

ЭЛИС
ПЕТЕРСОН

ТОЛЬКО
БУДЬ
СО МНОЙ!

МОСКВА
2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
П29

Alice Peterson

BY MY SIDE

© Alice Peterson, 2012. This edition is published
by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd. And
The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского *К. Назаровой*

Художественное оформление *Е. Ененко*

Петерсон, Элис.

П29

Только будь со мной! / Элис Петерсон ;
[пер. с англ. К. Г. Назаровой]. — Москва : Из-
дательство «Э», 2016. — 384 с. — (Все будет
хорошо! Романы Э. Петерсон).

ISBN 978-5-699-88179-6

Жизнь Кассандре Брукс казалась сбывшейся меч-
той: прекрасные родители, славный брат, учеба в пре-
стижном Королевском университете, взаимная любовь.
Но перелом позвоночника изменил ее мир: возлюблен-
ный покинул Кас, когда узнал, что она инвалид, а дру-
зья не смогли продолжить общение из-за постоянного
чувства вины и неловкости.

Существование стало адом для Кассандры. Но на-
дежда на счастье, сила воли и стремление преодолеть
недуг помогают девушке справиться с трудностями.
Сможет ли она вновь почувствовать сладкий аромат
жизни?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Назарова К., перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке,
оформление. ООО
«Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-88179-6

ПРОЛОГ

— Какая же у меня тяжелая голова, — говорю я Шону. Зря я выпила ту последнюю стопку текилы. А вчера казалось, что это то, что надо...

Мы лежим в постели. Шон обнимает меня, его теплое тело прижимается к моему.

— Что ж, мисс Брукс, я знаю одно прекрасное средство от похмелья.

— Какое? Только не говори про сырые яйца.

— Секс.

— Секс?

— Да, секс. — Шон гладит меня по щеке. Вдруг он становится серьезным. — В больших количествах. На всякий случай я выпишу вам рецепт.

— Вы так добры, доктор Ирвин!

Легкими движениями он выводит буквы на моей обнаженной коже.

— Вам необходимо заниматься сексом как минимум три раза в день.

Я смеюсь.

— Утром — миссионерская поза. Днем партнер должен быть сзади. А вечером... — Он делает паузу, окидывая меня изучающим взглядом.

Я переворачиваюсь на бок и устраиваюсь поудобнее на подушках.

— Пожалуйста, продолжайте, доктор Ирвин.

— Вечером — стоя спиной к стене, и вы должны быть в клетчатой мини-юбке и туфлях на шпильках. — Он расписывается в воображаемом рецепте и протягивает его мне. — И чем раньше вы начнете лечение, тем лучше.

— Отлично! Сейчас же позвоню Джонни Деппу.

— Ничего не выйдет. Выписанное лекарство подействует, только если вы будете проходить лечение с парнем по имени Шон. Говорят, он невероятно хорош в постели.

Я недоверчиво приподнимаю бровь.

— А я слышала про него совершенно другое.

В следующую секунду он уже на мне, и мы оба хохочем, а я пытаюсь столкнуть его с себя. Мы катаемся по кровати, едва не скатываясь на пол, целуемся. Шон проводит рукой по моей обнаженной спине... прижимает меня к себе... Но мне удастся выбраться из его объятий.

— Извини, мне надо в туалет.

Выходя из комнаты, я слышу его громкий вздох.

— Не задерживайся! — говорит мне Шон.

Я смотрю на свое отражение в зеркале в ванной комнате. Не самое приятное для глаз зрелище: черная подводка размазалась; голову неплохо бы помыть. Выпив две таблетки от головной боли, я чищу зубы. Вдруг до меня доносится крик Шона:

— Принесешь мне воды? Мне тоже как-то не очень...

Мы с Шоном уже четыре года учимся на медицинском факультете в Королевском колледже Лондона. Я только что прошла четырехнедельную практику в педиатрическом отделении больницы при нашем

колледже. В следующем семестре нам предстоит отработать три недели сразу в нескольких отделениях: «Скорая помощь», ортопедичка, ревматология и анестезиология. Мы с Шоном часто шутим, что наши мозги скоро распухнут от такого количества информации. Мы ложимся спать, а на следующее утро не можем вспомнить, какой раздел учебника только что прошли.

Сегодня мы в квартире одни. Наша соседка Сара, которая учится с нами на медицинском факультете, уехала домой на Рождество. Совсем скоро я тоже уезжаю к родителям. Семейные праздники вселяют в меня ужас. Выходные проходят нормально, но если мы с мамой остаемся в одном доме дольше чем на два дня, то жди беды. Уже через пять минут мы начинаем ругаться. «Ты должна изучать юриспруденцию, а не медицину, Кассандра, — говорит она мне. — Ведь тебе так нравится спорить».

Еще у меня есть брат Джейми. Ему сейчас девятнадцать — он на четыре года младше меня. Характером он очень похож на отца: добрый, спокойный, любящий, и на него совершенно невозможно злиться. Однажды на каникулах во Франции он стянул у меня немного денег, чтобы мне же купить подарок. Сейчас он живет в Мадриде и преподает английский как иностранный язык. Он не знает, чем хочет заниматься в жизни, и поэтому не имеет никакого желания поступать в университет. А вот мне с этим повезло: с самого детства я мечтала стать врачом. В школе я всегда с удовольствием делала домашние задания по биологии. А когда я была маленькая, то просто с ума сходила от аптечных принадлежностей. Я даже представляла, что мои игрушки

получили травмы или чем-то больны, и лечила их разнообразные болезни. Папа никак не мог понять, откуда взялась моя страсть к медицине, потому что у нас в семье никто бы и близко не подошел даже к шприцу. А Джейми вообще теряет сознание при виде крови.

— Скорее, Кас! Я умираю от жажды.

Вернувшись в спальню, я даю ему стакан воды.

— Лежебока. Сам, что ли, не мог сходить за водой?

— Мог... Но твои ножки проворнее.

Я надеваю обтягивающие джинсы, черные полуботинки и синий свитер Шона, чувствуя на себе его взгляд. Я затягиваю свои темно-русые волосы в тугий хвост.

— Ты прекрасна.

— Шон Ирвин, что ты хочешь?

— Ничего... Ну, может, страстного секса.

Я улыбаюсь, удивляясь, что сегодня с ним происходит.

— Куда ты? А как же прописанное лечение? Вернись в постель, — стонет он, протягивая ко мне руки.

— Надо купить молоко, хлеб и еще что-нибудь поесть. Надо позавтракать перед отъездом.

Мои родители живут в Дорсете, семья Шона — в Дублине. Именно его ирландский акцент и привлек меня, когда я встретила его однажды в студенческом кафе. Он мог бы зачитать телефонный справочник, и я бы все равно впала в экстаз от его голоса. Ирландский акцент, отличное чувство юмора, голубые глаза — и я пропала.

Я беру свой кошелек, сгребая в него остатки мелочи с трюмо.

— Как насчет больших сэндвичей с беконом?
Я почему-то очень хочу чего-нибудь жирного. Шон?

Я машу рукой перед его носом.

— Я люблю тебя, Кас.

— Что?

Я настолько поражена его внезапным признанием, что не могу выговорить ни слова. Мы встречаемся уже почти год, и Шон часто говорил: «Мне нравится быть с тобой» или «Я люблю твою улыбку», а когда он говорит «Люблю заниматься с тобой сексом», я смеюсь и называю его старым романтиком.

— Я люблю тебя, — повторяет он.

Быстрым движением я сбрасываю ботинки и прыгаю на кровать. Шон стремительно стягивает с меня джинсы.

Как же холодно! Ослепленная зимним солнцем, я иду по улице вдоль дороги. Наш дом в Пимлико¹ стоит на широком проспекте, и я уже привыкла к шуму и оживленному дорожному движению. Я к этому привыкла, как к старым друзьям, которые всегда рядом.

Мне хочется петь, танцевать и кричать на весь мир о своей любви.

Будто в тумане я направляюсь к переходу на светофоре, который сегодня кажется таким далеким. А мне так не хочется тратить время впустую — мысли о жареном беконе, горячем кофе и объятиях Шона слишком соблазнительны. Дорога

¹ Один из самых фешенебельных и дорогих районов в центре Лондона. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, прим. перев.)

почти пустая, и если я потороплюсь, то успею без проблем перебежать на противоположную сторону улицы.

— Кас! — слышу я голос Шона.

Я оборачиваюсь, поднимаю взгляд на наше окно на четвертом этаже и вижу: Шон высунулся из окна и машет моим кошельком. Какая же я дура.

— Бросай его мне!

Мимо на полной скорости проносится машина, и мне к тому же приходится уворачиваться от двух бегунов на тротуаре.

Шон продолжает помахивать кошельком.

— Нам еще нужен сахар! И сигареты!

— Ладно. Бросай!

Он медлил.

— Лучше я спущусь.

— Не надо. Собирай чемоданы!

Рейс Шона через несколько часов. Я нетерпеливо переступаю с ноги на ногу.

— Да бросай же!

Шон с размаха бросает мне кошелек. Я подпрыгиваю, чтобы поймать его, — он ударяется о мою ладонь, перелетает через плечо и падает на дорогу.

Я бегу подбирать его.

— Осторожно! — кричит Шон. Я останавливаюсь. Теперь я слышу его невнятные вопли.

Оглушительный сигнал автомобиля.

А дальше я ничего не помню.

ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ

Я слышала, как она поднимается по лестнице — ее выдавало позвякивание многочисленных золотых браслетов на запястьях.

Она задержалась перед закрытой дверью, собирая волю в кулак, чтобы войти в мою комнату. Наконец она вошла, и я тут же почувствовала терпкий запах ее духов с чрезмерным ароматом ванили.

— Доброе утро!

Она уверенно пересекла спальню, умело балансируя на высоченных шпильках. Сколько себя помню, ни разу не видела маму в балетках или кроссовках. Мотивировала она это тем, что бог пожадничал и обделил ее ростом.

— Какой замечательный день! — бодро воскликнула мама, раздвигая занавески и позволяя солнечному свету наполнить комнату. — Я подумала, может быть, пообедаем в пабе?

Заметив, что ее идея не произвела на меня должного впечатления, она торопливо добавила:

— Или прокатимся на машине за город?

— Может быть.

Мама подобрала с пола мои спортивные штаны и повесила их на спинку стула.

— Или... давай прогуляемся? Сходим в кино?

Я не шелохнулась.

— Что-то не хочется, мам. Иди без меня.

— Господи, Кас, прошло уже несколько недель! — сказала она, впервые повысив голос после моего возвращения из клиники в Сток-Мандевилле. — Ты не можешь вечно сидеть в четырех стенах!

Зазвонил телефон.

— Я скоро вернусь, — пригрозила она и вышла.

Я знала, что мое безразличие раздражало ее, но я не была готова выйти из дома. Через несколько минут мама вернулась с записной книжкой в руках.

— Это звонила Сара, — сказала она, присев на край кровати. — Я сказала ей, что ты перезвонишь.

Та самая Сара, с которой мы с Шоном снимали квартиру на Пимлико. Мы с Сарой всегда все делали вместе. На третьем курсе, когда мы покинули своды аудиторий и были брошены на растерзание настоящим пациентам, мы с Сарой вцепились друг в друга, боясь, что те нас покусают. Как сейчас помню: в первый день практики мы пришли в больницу, одетые в длинные юбки, белые блузки и темно-синие пиджаки. В таком виде мы были похожи на школьниц. Когда меня попросили осмотреть пациента, Сара пошла со мной. Мы так нервничали, что, идя по коридору, не произнесли ни слова; только все время поправляли стетоскопы, чтобы они симметрично висели на наших шеях.

Сейчас Сара оканчивала четвертый курс. На этих летних каникулах мы должны были проходить стажировку за рубежом. Она сказала мне, что планирует поехать на Гибралтар, а я хотела поработать в полевом госпитале в Африке.

Я почувствовала толчок.

— Кас? — позвала меня мама.

— М-м?

— Ах, Кассандра, я так и знала, что ты меня не слушаешь!

Мама нетерпеливо раскрыла записную книжку и провела жирную горизонтальную черту.

— Я говорила, что это — нынешнее положение дел. И, — она глубоко вдохнула, словно собиралась окунуться в ледяную воду, — так теперь будет всегда. Мы не можем это изменить, но мы точно можем изменить наше отношение к случившемуся. — Она быстрыми движениями набросала несколько стрелочек, расходящихся вверх от нарисованной черты.

Я скептически приподняла бровь:

— А презентацию на компьютере будешь делать?

Мама отложила ручку в сторону.

— Ты должна подумать о своем будущем.

— О каком будущем? — взорвалась я. — Все, что я любила... все, кого я любила...

Я не договорила.

— У меня поврежден позвоночник, — сказала я Шону, когда он пришел навестить меня в больнице.

Он стал бледным как мел: он прекрасно знал, что это значит.

— Я парализована ниже пояса.

Ирония судьбы заключалась в том, что в колледже он больше всего интересовался неврологией и повреждениями позвоночника. Шон не проронил ни слезинки. У него было такое выражение лица, будто он был готов поколотить первого, кто войдет в палату. Глядя на него, я пыталась найти хоть малейшие признаки того, что он не бросит меня в трудную минуту, что он будет со мной. Но в его глазах я не

видела ничего, кроме гнева и растерянности. С одной стороны, я надеялась облегчить его страдания и сказать, что он может уйти и не возвращаться. Мне не хотелось, чтобы он оставался со мной из жалости.

С другой стороны, я мечтала, чтобы он обнял меня и сказал, что любит и что все будет хорошо.

Я с трудом справлялась со своими чувствами. Мне хотелось кричать, громить все вокруг.

Как в одночасье жизнь могла перевернуться с ног на голову? Всего несколько дней назад мы танцевали, дурачились в постели и строили планы на будущее. Он пригласил меня в Дублин и собирался познакомить с родителями. Что теперь?

Он встал и повернулся ко мне спиной.

— Это я во всем виноват.

Мои глаза наполнились слезами.

— Нет. Не вини себя.

— Часы посещения окончены, — жестко объявила медсестра Джорджина, просматривая мою медицинскую карту. — Тебе пора, парень. Ей надо отдохнуть. Придешь завтра.

Шон взял с кресла пальто и шарф. Он на мгновение замешкался, а потом поцеловал меня в щеку и погладил по руке.

— Мне очень жаль, — сказал он.

Подойдя к двери, он обернулся.

— Ты придешь завтра? — спросила я слабым голосом. Таким же слабым, как и мое тело. В глубине души я осознавала, что все кончено, но я упорно продолжала верить, что все поправимо. Шок пройдет — Шон вернется.

Я провела в больнице четыре месяца. Шон, конечно, навестил меня еще раз. Через десять дней

после первого визита. Он оставил на прикроватной тумбочке письмо, попросив не вскрывать его, пока он не уйдет...

— Кассандра!

Я вздрогнула: кто-то снова тряс меня за плечо.

— Я сдаюсь, — с досадой произнесла мама. —

Ну что мне сделать?

— Почему бы тебе не вернуться на работу? — предложила я.

У мамы была успешная риелторская фирма. Она организовала свой бизнес еще в Лондоне. Когда мне исполнилось шестнадцать, отцу удалось уговорить ее переехать в Дорсет. Мама согласилась, но с условием, что она сможет открыть там филиал своей фирмы. Теперь ее компания занимается продажей имущества в юго-западных графствах, включая Сомерсет, Дорсет и Девон.

Мама возмущенно вскинула голову:

— Я работаю!

— Я имею в виду работу в офисе. — У маминой компании есть офисное здание в Дорчестере.

— Не думаю, что это хорошая идея. Во-первых, я могу работать удаленно. Во-вторых, если меня не будет дома, ты целыми днями будешь лежать в постели. — Она с сочувствием посмотрела на меня. — Хочешь, я запишу тебя на прием к психотерапевту?

— Нет, мам, не надо. Я в порядке, честное слово, — ответила я, втайне надеясь, что после этого она оставит меня в покое.

— Тогда вставай. Даю тебе пять минут. — Она сняла с вешалки мою уличную одежду и швырнула ее мне.